

Е. Ю. ПРОТАСОВА

г. Хельсинки, Финляндия

К. Л. РЕЗНИК

г. Вантаа, Финляндия

УДК 811.161.1'38:81'42:39

РУССКИЕ ДОМА В ФИНЛЯНДИИ: ПРЕДМЕТЫ И ДИСКУРСЫ

Аннотация: В настоящей статье на конкретном материале интервью, проведенных с русскоязычными иммигрантами в Финляндии, и дискуссий на форумах изучаются представления о доме, его русскости, финскости или гибридности. Анализируется, какое значение имеют вещи, их сохранение или потеря в эмиграции/иммиграции. Выясняется, соответствуют ли мечты о том, каким должен быть дом, реальному жилищу респондентов. В результате самоанализа выявляется, что именно дороже всего, по каким вещам испытывается ностальгия, что с удовольствием принимается из окружения и что думают другие люди об этом жилище. Исследование показывает, что самым главным в доме являются книги и фотографии, что мало у кого есть предметы, сопровождающие их всю жизнь, но у многих есть памятные принадлежности, связанные с родственными или дружескими отношениями.

Ключевые слова: дискурс самоидентичности, материальные и духовные компоненты личности, бикультурность, памятные вещи, языковая интеграция, авторефлексия, языковая биография, русская эмиграция / иммиграция

Обиталище – локус пересечения пространственного и материального, хранилище памяти, продолжение личного пространства, реализация себя в культуре, отношение частного и общественного, эпохи и индивидуальности, финансовых возможностей и эстетических принципов. В последнее время осмыслением важности дома в построении дискурса стали все больше заниматься лингвисты и антропологи. Фольклорная традиция предполагает строгую преемственность в обслуживании дома, передающуюся из поколения в поколение и связанную с мифологи-

ческим прочтением малых и больших пространств [Адоньева 2011]. Являясь оплотом семьи, защитой и местом обретения самобытности, дом становится антропологическим центром формирования и поддержания идентичности [Душакова 2005]. Представление об исходной точке бытия, преемственности, духовной и физической крепости прорастает в языковом сознании множеством ассоциаций и фразеологизмов [Федорова 2016, Якушевич 2018]. Каждый народ имеет свои устойчивые стереотипы в отношении значимости дома, его частей и обстановки [Filipova, Archakova 2013]. Несмотря на многочисленные реальные потери, люди домысливают то, чем перестали владеть [Грамматчикова 2018, Fyodorova, Pazio-Wlaziłowska 2018]. В советское время границы между внешним и внутренним миром жилища стираются, разрушаются традиционные ценности, меняются символы домостроительства, формируется новая жилищная культура, которая, в свою очередь, ломается при переходе от дисциплинарного общества к обществу достижений, где все меньше внимания уделяется собственно дому и больше – работе [Ким Джун Сок 2018]. Вообще, в философии культуры XX в. идея дома предстает как место покоя и успокоения, защиты и надежности; однако одновременно с этим активно обсуждаются мысли о постоянной или временной бездомности или обо всем мироздании как доме [Рымарович 2013].

Исторические традиции и современные приметы русского дома кажутся особенными иностранцам [Gunn 2019, TDR]. В эмиграции дом становится и символом обретения корней, и реализацией мечты о рае, и индикатором вовлеченности в окружающую культуру либо же маргинализации (ср. [Иванова-Бучатская 2010, Протасова 2004]). Представляется важным понять, как русскоязычные иммигранты в Финляндии определяют сами, каков их дом (вне зависимости от типа жилища), какую роль он играет в их жизни, как они себя через него позиционируют, что считают важным сохранить из прошлой жизни, а что меняется вместе с ними. Материалом для исследования послужили групповые и индивидуальные интервью, эссе и обсуждения на форумах русскоязычных в Финляндии.

Если кто-то умышленно воссоздает прообраз дома, того, который был в России/СНГ (перевозя с собой важные, знаковые вещи, предметы интерьера) – это нормально, но, наверное, все же так происходит не у всех подряд. Тому, кто рос и жил в Сибири, Москве, Украине, Эстонии – а таких немало – трудно с этнической самоидентификацией, и тогда на помощь приходят не собственно национальные традиции и символы, а семейные легенды и реликвии.

Выяснялось, что думают люди про то место, где они живут, что меняется, когда они переезжают в Финляндию, хотят ли они, чтобы их дом был русским домом, или чтобы это был финский дом, какие вещи они перевозят с собой, какие традиции, просто потому, что это было в семье, или чтобы что-то приятное было в антураже. Оказалось, что привозят любимую старинную мебель, с этим масса хлопот по оформлению, к тому же придется реставрировать. Из современной мебель – столы-книжки, которые очень удобны для приема гостей и которых нет в Финляндии.

Другие подчеркивают, что светлые финские жилища соответствуют их потребностям: «стиль своей меблировки и сисустуса [фин. sisustus, интерьер] мы не поменяли, у нас примерно то же самое было в Москве. Мы выбивались из московского стиля, Москва город темный, у нас были светлые стенки, светлая мебель, вот примерно такая же. Что мы привезли – мы привезли с собой коллекцию, и все, и картины». Памятные вещи – это бабушкина тарелка, которую нельзя оставить, просто «потому, что что-то должно было быть из той жизни». Есть жостовские подносы, гжель, самовар, павловские платки, ковры, как принято было в России или в бывшем СССР, «стенки», люстры хрустальные. Некоторые ставят их как украшение, другие пользуются по назначению, например, с матрешками играют дети, обучаясь из разбирать и собирать, и часто обиходные вещи спрятаны от глаз. Когда в доме дети, все приходится убирать подальше. Есть и неудобная, чисто сувенирная продукция, не предназначенная для выполнения практических функций.

«Вот эти вещи я помню столько, сколько себя. У родителей, я помню, была тумбочка, на тумбочке была салфетка, какая-то,

это был 50 например 7-й год, да? И на ней стоял радиоприемник, папа футбол слушал. Голос Синявского – это у меня одно из самых первых детских воспоминаний». Многие берегут подаренное на свадьбу, на юбилеи. Не берут, если есть кому оставить. Мелочи напоминают о прошлом, не важна их стоимость, «есть вещи, которые нельзя выбросить, потому что это точно такой же символ семьи». С добыванием вещей в советском прошлом связаны истории, и старшее поколение не хочет, чтобы младшие забыли о подвигах добытчиков (стояние в очереди, предварительная запись, открытки на получение, переключки, везли на себе с другого конца города и т.п.). Часто старые вещи просто плохого качества и не выдерживают переездов. Вещи перестают быть материальной ценностью, хранятся как личные метки жизни. В СССР вещи покупались часто по принципу: в другой раз может и не быть, поэтому в домах оказывалось много лишнего, приобретенного на черный день. Накопление казалось жизненным достижением. Многие дефицитные вещи так и не были распакованы и хранятся в нескольких экземплярах в заводской упаковке с гарантийным талоном.

В силу однотипности советского быта у всех часто было одно и то же, и ностальгические предметы оказываются одинаковыми; так, если библиотека в доме, куда пришел в гости, на 90% такая же, как у тебя, ты подружишься с этим человеком. Сегодня, уезжая, книги отдают в тюрьму, в макулатуру, выбрасывают во двор. С бумаги чтение переходит в электронные формы; старые книги часто и плохого качества, и низкой художественной ценности. Многие семьи при прочих равных перевозят поэзию, словари: видимо, эти издания считаются вечными ценностями. Один мужчина всю жизнь переезжает со своей дрелью («таких теперь не делают»). С другой стороны, частые переезды способствует потере чувства привязанности. Иные же говорят, что живут с надеждой когда-нибудь сделать себе настоящий дом.

Переезд – это возможность начать новую жизнь, и туда не нужно тащить накопленное. Сначала делятся с детьми, пока у них нет средств, но потом настает время, когда дети, менее связанные с Россией, покупают новое, а старое возвращают родителям. Многих удивляет вкус детей: то, на что они меняют «хо-

рошие» вещи. Родители отмечают, что детей больше интересует, что происходит в Финляндии, они знают здешние обычаи и язык лучше, вовлечены активнее в трудовую жизнь. Высказывается мысль: «Сейчас все живут не в стране, а в Интернете», и когда «сегодня бабушки говорят внукам: *Зачем ты новую вещь надеваешь*, им это непонятно, если что-то нужно, они идут и покупают, и даже в секонд-хенд». Дефицита вещей нет. Иммигранты нередко приобретают подержанные вещи, потому что это не только экономия, но и экология: шанс дать вещам вторую жизнь. Многим кажется, что их вкусы совпали с финскими, и поэтому нельзя вычленить, что финское, а что собственное.

Люди испытывают любовь к репродукциям реалистического искусства (Репин, Айвазовский, иллюстрации из журналов «Огонек», «Столица»), к портретам русских классиков, особенно Пушкина и Есенина, причем украшенным полотенцами («красный угол питерской интеллигенции»). Участники обсуждения полагают, что подобно тому, как русские любят «Утро в сосновом лесу» И. Шишкина, финнам приглянулись «Дерущиеся глухари» Ф. фон Вригта. Согласно социологическим исследованиям В. Комара и А. Меламида в арт-проекте «Выбор народа» по созданию народных картин для всех стран, предшествовавшим созданию собственного произведения, финнам нравятся пейзажи с озером, рядом с которым есть животное, а люди заняты физическим трудом, поэтому тому, у кого дома есть «картина, где мальчик помогает развешивать белье», можно считать, что дом финский. «В общем, у нас получается довольно грустная жизнь, потому что когда мы жили в Советском Союзе, мы покупали только то, что получалось, когда мы приехали сюда, у нас было так мало денег, что мы покупали только самое дешевое, то, что могли себе позволить, а теперь и того, и другого так много, что если бы хотелось что-то поменять и купить то, что хочется, и то, что нравится, то просто некуда. А выбросить не можем, потому что не так воспитаны». Другие не согласны, что некуда девать вещи: как раз это организовано хорошо. Неизбежно что-то пропадает: кто-то выбросил ценные вещи в мусор, перепутав пакеты; кто-то хранил их в чужой кладовке, откуда их отправили на свалку; кто-то послал вещи по почте, а они не

пришли. Сначала огорчаются, а потом принимают свершившееся: «В общем-то, мы уйдем из этого мира, и мы не сможем утащить это все» с собой. Надо подумать и о детях, чтобы им не пришлось разбирать эти вещи: «Понимание приходит с возрастом». К тому же современная экологическая доктрина требует не иметь лишнего.

Информант БГ говорит, что привез «картины, книги, пластинки, аппаратуру. Приехал налегке, а потом, как муравей, завез. Одежду, но ее осталось мало, пару шарфиков. Всю жизнь – детский альбом, отец неплохо фотографировал, и оформляли они с матерью альбом с самого рождения. Вьетнамская вазочка, хотя она от родственников досталась. Клеевая, черная, продавались они в Советском Союзе. Часы родственников, дореволюционные, золотые, лежат, я их не ношу», дореволюционный ржавый штопор. Из исторических вещей есть пригласительный билет на встречу с Кекконеном, которому переводила бабушка. Сохранились ценные вещи: открытки, письма дедушки с фронта. Для него, как и для многих, было важно не расставаться с иконами, хотя забрать удалось не все. Хотелось взять на память отцовский фотоаппарат, но гораздо больше было роздано, роздано, а до этого – распродано, когда не хватало денег на жизнь. Осталась одна коллекционная машинка, «все не увезешь, да и ставить особо некуда, квартирка маленькая». Дом не типичный русский, много украшений с блошиных рынков, мебель икеевская, за исключением английской стойки под аппаратуру в виде пагоды. На стенах висят фотографии известного киевского фотографа 70-х–80-х и картины украинской примитивистки. «Мы остались с каким-то киевским духом. Картин много так стало, кто-то дарил чего-то. В Киеве было меньше». Посторонние считают, что в доме очень чисто, прибрано, аккуратно. Финскость выражается в том, что висят тарелочки фирмы «Арабия», иллюстрации к «Калевале», бывшие когда-то, еще в советское время, подарками финских родственников и вернувшиеся в страну производства, а также традиционная финская кофеварка, «предметы быта, Фискарс-ножи, Хакманн-вилки, ложки» (Arabia; Kalevala; Fiskars; Hackmann; характерна постановка определяемого слова после названия финской фирмы под влияни-

ем языка окружения) Стены финские, покрашенные белой краской.

Респондент ДР сообщает: «Лет 10–12 назад ко мне домой, в Хельсинки, приезжала съемочная группа одного большого финского канала ТВ. Они снимали сериал, и им нужно было показать интерьер "типичного русского/русскоязычного дома" в Финляндии (как я понял, все выходцы из б. СССР воспринимались и нередко сегодня воспринимаются как русские; возможно, кроме жителей Литвы-Латвии-Эстонии). Я их пытался отговорить — у меня ничего особенного русского дома совсем не было — но они все же приехали. Походили, поснимали "пианину", книжные полки (на тот момент около 1,5 тысяч книг — ну да, большинство книг на русском), но уехали несолоно хлебавши дальше искать признаки "русскости" в столичном регионе. Еще интересовало, есть ли золото у хозяйки дома, короткие юбки и сапоги до колен — типа, у русских женщин это ДОЛЖНО быть!». Вспоминают о финском сериале «про русских олигархобизнесвуменш» под названием "Suomen täydelliset venäläisnaiset" («Безупречные русские женщины Финляндии»), где много внимания уделяется внешнему виду и интерьерам. Аналогичные события вспоминают и другие респонденты: от них именно ждут проявлений русскости, а им это выказывать необязательно. При этом рядом с единичными предметами гжели стоят голландские статуэтки, финское стекло Ииттала (Iittala) и сувениры со всех концов света. В фольклорных исследованиях такие предметы принято называть «этническими объектами»: все знают, что их наличие типично для определенной местности. Особое место для памятных знаков в квартире — холодильник с магнитами. Отметим также, что есть сувениры, о приобретении которых могут просить дети (фуражки и другие элементы военной формы, футболки с определенными надписями, нечто, что есть у других и что поэтому нужно добыть). Один молодой человек, служивший в армии, хранит свой танковый армейский китель.

Несколько респондентов отметили, что у финнов, работавших в СССР, как раз часто бывает русский дом, со всеми обязательными признаками русскости, вывезенными из СССР. Есть случаи, когда финны создавали коллекции русского искусства,

приобретая хорошие картины за небольшую цену. Иконы бывают и в домах у лютеран, и у местных православных. Одна респондентка считала, что если она гражданка России, то ей надо иметь дома российский флаг, лапти и карту России. Ей возражали, что государственная символика соседней страны здесь не обязательна. С родины вывозят настенные часы, китайские чайные сервизы тонкого фарфора, изделия ЛФЗ (чаще всего кобальтовую сеточку). Один ответивший все же заявляет: «Мы верим в образование, социальную справедливость и прекрасное – вместо икон- картин».

Среди участников разгорелся спор о мещанстве: всегда ли то, что радует глаз, стоит так называть? Осуждали некоторое отсутствие вкуса: «Я бы под расстрелом не повесила такое». Знакомство с домами старых русских позволяет констатировать, что любовь к иконам и картинам была и у прежних поколений русскоязычных иммигрантов, и дореформенные книги нередко обитают в домашних библиотеках (передаются из поколения в поколение). У всех самоидентификация, чувство (со)причастности по-разному и устроено, и проявляется. В ответ на это люди называют, сколько лет они живут в данной стране, планируют ли уехать, описывают, как менялось их отношение к Финляндии, как нашли или не нашли себя. ХЭ пишет:

«У меня долго ничего русского в интерьере не было, но сам интерьер был и остается стилистически нетипичным, так что попадающий ко мне гость почти всегда удивляется: много цвета, большая "плотность" обстановки, и да, конечно, книги на русском никуда не денешь. В последнее время, тем не менее, заметила за собой некую склонность к этнокультурным "маркерам": приспособила к интерьеру пару хохломских мисок, жестяные баночки для пряностей с видами Таллинна (эти с барахолки), и еще у меня есть один наиважнейший артефакт, выдающий как советские корни, так и, видимо, определенный "участок" менталитета: это крутящаяся менажница с пятью "секторами" из хрусталя и круглой хрустальной "сердцевинкой". Конечно, так сразу ее не видно -- менажница ставится только на сильно праздничный стол. Но у нее есть своя история: когда-то посудина принадлежала маминой мачехе, большой любительнице и мас-

терице организовывать праздники. Я на них бывала с раннего детства, и менажница стала символизировать веселую, легкую жизнь, праздник, изобилие, в общем, то советское *savoir vivre*. Сейчас, конечно, заполнение пяти хрустальных секторов не требует ни связей, ни блата, да и достаю я ее раз в год на рождество, но вот да, память очень конкретная. И предмет узнаваемый... как таковая "русскость" в интерьере у меня не читается, скорее что-то общеевропейское: цветная штукатурка, ярко полосатые шторы, темное дерево, китайский шкафчик-бар, на кухне открытые полки и кафельная мозаика... Хохломушки просто по цвету подходят».

Гости из России продолжают дарить хрустальные вазочки, «на которые и глаза не глядят, и избавиться вроде жалко». Хрустальные люстры обычно нравятся выходцам с Востока, но и в старых финских домах, в районах Катаянокка, Эйра, «полно хрустальных люстр, но они не выглядят "советскими" (в смысле периода, а не страны происхождения)». Информанты сравнивают себя с другими группами местного и пришлого населения. Русскоязычные вешают на стены и кладут на пол ковры, а финны – свои *guju* и *matto*, т.е. тканые коврики ручной работы. В русском доме часто стоит пианино или хотя бы органола. Телевизор находится на видном месте, в гостиных ТВ – это центр жизни, член семьи. Кроме того, есть огромные хрустальные салатницы. Занавески, привезенные из России, многослойно-многоярусные, из тюля и гипюра, с кружевами, нравятся также арабо- и ромаговорящим, иногда дешево покупаются на рынке, а иногда шьются на заказ и довольно дороги. Они требуют соответствующей мебели, а найти ее в Финляндии трудно. «Минимализм и чистые формы нам не любы. Где в финском доме такое безобразие увидишь?». «Помню, как познакомилась с соседкой-украинкой. Она сказала, что наши окна вычислила по тюлевым занавескам. А сейчас и их у нас нет. Только книги и музыка», говорит один, а другой шутит: «Зашифровались».

Вероятно, можно считать, что сейчас почти нет ничего настолько стереотипически «русского» в домах, чтобы это сразу моментально обнаружить. Видимо, люди, переехавшие в Финляндию в немолодом уже возрасте (таких немало среди ингер-

манландцев – этнических финнов-репатриантов, исторически проживавших на территории современной Ленинградской области), чаще воспроизводили такие интерьеры жилищ, какие считались приличными «на Родине»: ковры на стенах, стенки, хотя и с поправкой на финляндскую планировку квартир, в то время как представители молодежи и среднего возраста в большинстве своем мало чем отличаются от местных сверстников по поведению и обстановке квартир. Дети, рожденные в Финляндии, воспринимают это по-другому, многого они не знают и не поймут. Особые вещи в их квартирах – дань традиции, что-то, доставшееся от родителей, дедушек и бабушек, что уживается с новым.

Согласились с тем, что единственное, что всех объединяет, это наличие большого количества книг: «Опять все свели к русской литературе как национальной идее». Однако и у финнов домашние библиотеки большие, а в то же время есть и «русские», и «финские» дома, где совсем нет книг. Информанты предполагают, что «русский» дом может выделиться отсутствием «финских» признаков: у финнов цветы часто висят, а русские ставят их на полки и подоконники. Высказывается гипотеза, что стиль убранства дома или превалирование в нем предметов из страны выезда может коррелировать с занятиями детей в кружках только на своем языке, наличием друзей только из своей языковой среды.

Поначалу происходит аккультурация, потом кто-то становится – или хочет стать – более «местным», чем сами местные, но от себя не уйти. «Кто-то поначалу матрешек выкинет, а потом бежит снова покупать!» Оценку не стоит давать в парадигме «плохо-хорошо», если говорить серьезно о стилевых или национальных особенностях интерьера: и в России есть дома, где финнам можно поучиться минимализму и аскетизму. Различия также в том, что именно изображено на фотографиях, каким способом появились вещи в доме, с какой целью и о каких мыслях, сопряженных с этими событиями, хранят память. Здесь переплетаются такие особенности, как желание стать более своим или сохранить свою самобытность, страх оказаться неуместным, презируемым и радость от воплощения прежде недоступной мечты. Периоды страстного увлечения дизайном сменяются пе-

риодами безразличия к нему. Самоидентификация – процесс долгий, и в нем человек может пройти самые разные стадии – как в случае с языком, так и во многом другом.

Литература

- Адоньева С. Б.* Символический порядок. – СПб., 2011
- Грамматчикова Н. Б.* Утрачены и придуманы: места и вещи семейной истории // Лабиринт. 2018. № 1.
- Душаклова Н.* Культурно-языковые особенности русского провербиального концепта «жилище» // Антропологические исследования в Молдове, 2005. № 6.
- Иванова-Бучатская Ю. В.* Российские немцы в Германии: знаковые объекты повседневной жизни и идентичность // Диаспоры, 2010. № 2.
- Ким Джун Сок.* Проблема «дома» в советском обществе: социология психологии в произведениях Михаила Булгакова // Сибирский филологический форум. 2018. № 4.
- Протасова Е. Ю.* Феннороссы: жизнь им употребление языка. – СПб., 2004.
- Рымарович С. Н.* Идея дома в философии культуры XX века: основные подходы // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. № 2(26)
- Федорова Л. Л.* Свет в окошке: дом как источник метафор и фразеологических образов // Подробности словесности: сб. статей к юбилею Л.В. Зубовой. – СПб., 2016.
- Якушевич И. В.* Символ «дом» в русском языке и поэтическом тексте. – Владимир, 2018.
- Filippova S., Archakova N.* The "house/home" and "homeland" associative fields in the Yakut and Russian linguistic consciousness // Karadeniz. 2013. № 5(19),
- Fyodorova L.L., Pazio-Wlazłowska D.* The Russian linguistic and cultural view of *ДОМ* 'home/house' // Bartmiński J. (ed.) The Axiological Lexicon of Slavs and their Neighbours. Tomus 1. The Concept of Home. – Lublin, 2018.
- Gunn D.* Russian properties: A history of Russian housing // Ex-patica, 30.01.2019.

TDR. TOP 10 Facts about the Russian House. todiscoverrussia.com/top-10-facts-about-the-russian-house

©Протасова Е.Ю., 2019

©Резник К.Л., 2019